

О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЗВУКОСМЫСЛОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ В СТИХАХ В. В. НАБОКОВА-СИРИНА

Семён Леоненко
(С.-Петербург)

0. Для языкового знака – в силу его билатеральности – в тексте могут устанавливаться связи по звуку и по смыслу. Под межъязыковыми звукосмысловыми соответствиями (далее – МЗС) было предложено понимать «использование элементов поэтики “асимметрии языкового знака”, то есть всевозможных омонимий и синонимий, звукосмысловые сцепления как таковые, анаграммы с ключевым словом *in absentia*» (Двинятин 2011: 288). Материал настоящих заметок – стихотворение В. В. Набокова-Сиринина “*La Bonne Lorraine*”¹, а «межъязыковые» будет значить «русско-французские».

1. В трудах Ф. де Соссюра по анаграммам Вяч. Вс. Иванов выделяет две основные линии: передача отдельными слогами или фонемами 1) слов, уже наличествующих в стихе, знаков *in praesentia* и 2) слов, в стихе отсутствующих, знаков *in absentia*, при этом зачастую являющихся темой всего текста. В частности, в ведийских гимнах подобным образом осуществляется криптография имени бога или героя. Так, гимн, посвященный божеству Агни, «положительным образом склоняет *Агни*», нашептывая «слоги священного имени» (Соссюр 1977: 640). Несмотря на то, что данный тип построения рассматривался Соссюром в качестве едва ли не основного для ранних поэтических текстов, труды по анаграммам, как известно, не были опубликованы прижизненно. «Соссюр оставался не до конца убежденным в своей правоте», настаивая на «необходимости

¹ Впервые: Руль. 16 сентября 1924 г. под названием “*La Belle Lorraine*” (примечание М. Э. Маликовой; см.: Набоков 1999: 792).

теоретико-вероятностной проверки гипотезы» (Иванов 1977: 636): было неясно, является ли анаграмматизм итогом бессознательного следования древнейшим структурным моделям, или же, напротив, вполне сознательной поэтической техникой. Анаграмматизм для Соссюра свидетельствовал о высочайшем уровне филологической культуры древнейших авторов, однако ни одного случая «обнажения приема» им зафиксировано не было. Признание анаграмм давалось Соссюру непросто еще и потому, что резко противоречило его же идее о строгой иерархии языковых уровней: «Анаграмма ищет и формирует (индуцирует) смысл там, где он отсутствует и вообще не предусмотрен структурой языка» (Топоров 2004: 709).

Сомнения Соссюра за него разрешил В. Н. Топоров: «Искать анаграмму просто так, сугубо эмпирически, вне определенного принципа, опираясь исключительно на факт наибольшего звукового подобия криптограммы и неких фрагментов предлежащего текста, бессмысленно. Этот “бессмысленный” поиск анаграмм означает отдачу на милость случая». Необходим, напротив, «1) поиск смысловых сгущений, делающих текст значительно более дискретным, а также навязывающих элементам новые связи», так что «возникновение анаграмм становится весьма правдоподобным или даже почти необходимым»; 2) «поиск типовой (жанров), наиболее располагающих к “разыгрыванию” в них анаграмматических комбинаций; 3) поиск границ в употреблении анаграмм, т. е. определение случаев наибольшего дальнего действия в пределах данного языка и даже за его пределами (чужой язык)» (Топоров 2004: 709). Словом, не стоит искать анаграмму там, где ее нет. Искать следует там, где, судя по ряду косвенных признаков-улик, она наверняка есть. Так, Топоров, среди прочего, до знакомства с трудами Соссюра по анаграммам продемонстрировал, что в «Ригведе» отсутствующее имя богини речи *Vac* передается всем звуковым строем текста (см.: Топоров 1965: 306–319).

Тексты с высоким МЗС-потенциалом следует ожидать от дву- и многоязычных авторов, обнаруживающих склонность к поэтике

«асимметрии языкового знака»². Творчество Мандельштама в 1970-е гг. стало предметом первых разысканий в этой области. Р. О. Якобсон предположил, что во второй строфе стихотворения Мандельштама «Возьми на радость из моих ладоней» зашифровано имя Харона: «Не отвязать неприкрепленной лодки, / Не услышать в меХА обутоЙ тени, / Не пРевОзмочь в дремучей жизни страХА»³.

Активизация анаграмматического типа построения текста в русской поэтической традиции приходится на начало XX века, и роль бесед Вячеслава Иванова с самим Соссюром здесь вряд ли стоит преуменьшать. Велик соблазн предположить, что анаграммы попали в поэзию Серебряного Века не без участия Соссюра. Анаграмматизм, безусловно, несет на себе след древнейшего, сакрального, бессознательного⁴ бытования, однако в целом, начиная уже с символистов и акмеистов, существует в качестве вполне осознанной⁵ поэтической стратегии. Показательно, что звукословесные соответствия обсуждаются в «Учителе и ученике» Хлебникова. Ивановская анаграмматическая техника была проанализирована тем же Топоровым; в работе А. Г. Грек «Об анаграмматическом принципе в поэзии Вячеслава Иванова» в сонетах триптиха «Розы» выявляются анаграммы заглавного апеллятива (см.: Грек 2010: 17–34).

2. Значимость анаграмматической проблематики для изучения поэтики Набокова не вызывает сомнений. Так, Дональд Бартон Джонсон пишет: «Анаграмма дает иносказательное представление о взглядах Набокова на искусство и их воплощении на практике» (Джонсон 2011: 72; ср.: Johnson 1985: 47). Набоков, писатель

² Ср.: «Об анаграммировании чужезычного слова как о сознательном приеме можно говорить, начиная с акмеистических опытов <...>, и позже в творчестве Набокова» (Топоров 1987: 229).

³ На это наблюдение Р. О. Якобсона ссылаются в целом ряде работ (см., например: Ронен 2002: 18).

⁴ О бессознательном анаграммировании Фетом имени Марии Лазич в посвященных ей стихах см.: Топоров 1987: 216–221.

⁵ Ср.: «Анаграммы в русской поэзии начала XX века в наиболее ярких своих проявлениях строятся сознательно, с большим запасом дублирующих средств, с дополнительными указаниями на наличие анаграмматического казуса» (Топоров 1987: 221).

эпохи «после модернизма», вряд ли мог обойти вниманием столь замечательный факт наследуемой традиции. Вопрос о сознательности, установке на анаграмму, мучивший Соссюра, для Набокова, у которого в тексте без участия авторской воли (а тем более бессознательно) не происходит ничего, кажется, разрешается просто. Напомним и о пристрастии обсуждаемого автора к анаграммированию собственного имени – в том числе и в стихах (см.: Кац 2001: 76–80). Случаи анаграмм чужого имени также есть: по наблюдению А. А. Долинина, первая строка обращенного к Ходасевичу стихотворения «Поэты» анаграммирует имя адресата: «Из комнаты в сени **СВЕЧА** пере**ХОДИТ**»⁶. Наконец, как показал Омри Ронен, переводя на английский Тютчева, Набоков видит и изящно передает анаграммы и паронимические аттракции оригинала (см.: Ронен 1998: 763–769).

Обреченной на неудачу, однако, может показаться попытка увязать набоковский анаграмматизм с анаграммами по Соссюру. От этого предостерегают Г. А. Левинтон (см.: Левинтон 1999: 229–234)⁷ и Омри Ронен (см.: Ронен 2001: 247–260)⁸. Альтернативным источником в этом случае обыкновенно выступают языковые игры вроде шарад, «словесного гольфа» или *scrabble*, которым так любят предаваться герои Набокова и их автор. Стоит сразу оговорить, что ни о каком прямом «влиянии» Соссюра на юного Сирина говорить, конечно, не приходится. Анаграммы, однако, уже были фактом поэтической традиции к тому моменту, когда поэт Сирий вступил в литературу – и чуткость к языковым играм, надо полагать, лишь

⁶ Это наблюдение А. А. Долинина приводит М. Э. Маликова (см.: Маликова 2002: 35).

⁷ Ср.: «В прениях обсуждался вопрос о том, насколько явление, обсуждаемое в докладе <А. А. Долинина “О некоторых анаграммах в творчестве Набокова”. – С. Л.>, совпадает с анаграммами в смысле Ф. де Соссюра, о которых много говорят последние тридцать лет. Высказывалось мнение, что речь идет скорее об анаграммах в английском смысле слова, традиционной словесной игре с перестановкой букв (как правило, всех букв данного слова или предложения)» (Левинтон 1999: 232).

⁸ Ср.: «Что же касается теории анаграмм мифологических имен, созданной Соссюром, то она могла быть известна Набокову в шестидесятые годы, когда он писал предисловие к “Bend Sinister”, но вряд ли в сороковые, когда он сочинял сам роман» (Ронен 2001: 254).

повысила анаграмматический потенциал его текстов. Остается, впрочем, опасность обнаружения псевдоанаграмм. «Анаграмма у Набокова – это редко встречающийся, чрезвычайно эффективный, всегда мотивированный функционально прием, который тщательно готовится, который обладает некоторой маркировкой и который выполняет четкую функцию. Анаграмм у Набокова не так уж и много» (Долинин 2000: 99). К этому справедливому тезису Долинина можно добавить лишь то, что, насколько мне известно, русские стихи Набокова в этой перспективе еще не становились объектом фронтальных наблюдений, и мы попросту не знаем, сколько в действительности там анаграмм, а “La Bonne Lorraine” (разумеется, если дальнейшие примеры убедительны) отвечает всем заявленным требованиям.

3. Стихотворение “La Bonne Lorraine”, впервые опубликованное в 1924 г., автор затем включал в сборники «Возвращение Чорба» и “Poems and Problems”, что делает этот текст неотъемлемой частью набоковского канона⁹. Героиня стихотворения – Жанна д’Арк – была канонизирована в 1920 г., что могло дополнительно привлечь внимание автора к ее персоне¹⁰. Отметим, что слово *Lorraine*, помимо

⁹ Ср.: «6 сентября он написал “La Bonne Lorraine” – романтическое, но не лишнее скепсиса стихотворение о Жанне д’Арк, первое из его стихотворений, которому по праву суждена долгая жизнь» (Бойд 2010a: 277; ср.: Boyd 1990: 235).

¹⁰ Остановиться с должной степенью подробности на теме “Жанна д’Арк у Набокова” – задача, выходящая далеко за рамки этих кратких заметок. Известно набоковское *strong opinion* о расхожем «неверном» именовании героини: «Теперь он назвал героиню Хуанита Дарк, Жанна д’Арк в испанском прочтении – точнее, Жоанита, как, настаивал Набоков, должно читаться это имя» (Бойд 2010b: 203; ср.: Boyd 1991: 169). Действительно любопытно было бы выяснить (возможно, это уже сделано), когда именно и откуда Набоков узнал этот необычный способ именовать героиню. Даже если допустить, что это случилось до 1924 г., воспользоваться подобным вариантом для анаграммы словотемы текста чревато риском быть непонятым даже наиболее проницательным читателем. Далее, аллюзию на историю Жанны д’Арк обнаруживаем в “The Real Life of Sebastian Knight”: «Герой не распознал в русском тексте букв латинского алфавита. “Дот чету” – это Domremy, Домреми-ля-Пюсель, родная деревня Жанны д’Арк, где она в юности стала слышать голоса святых» (Долинин 1991: 410; Долинин 2014: 365). Наконец, Дмитрий Набоков в предисловии к последнему роману отца пишет о том, почему вопреки авторской воле все же решился на публикацию: «В

смысла «жительница Лотарингии», а также того, что называет всю область целиком, является французским женским именем. Последнее важнее всего. Примечательно, что само имя героини (*Жанна*) или же его устойчивый перифрастический эквивалент (*Орлеанская Дева / Девственница*) в тексте отсутствует, являясь знаком *in absentia*, который может быть восстановлен следующим образом:

- [01] Жгли АНгличАНе, Жгли мою подругу,
 [02] НА площади в РуАНе Жгли ее.
 [03] Палач мне продал черную кольчугу,
 [04] клювастый шлем и мертвое копье.
 [05] Ты здесь, со мНой, ЖелезНАя святАя,
 [06] и мир с тех пор стал холоден и прост:
 [07] косая тень и лестница витая,
 [08] и в бархат ночи вбиты гвозди звезд.
 [09] Моя свеча НАд рЖАвою резьбою
 [10] дроЖит и кАплет воском НА ремНи.
 [11] Мы, воины, летали за тобою,
 [12] в твои цвета оКРАшивая Дни.
 [13] Но опускала ночь свое забрало, –
 [14] и, молчА выскользНув из лАт мужСких,
 [15] ты, белая и слабая, сгорала
 [16] в объятых верных рыцарей твоих.

(Набоков 1999: 564)

В строках 1, 2, 5, 9, 10, 14 появляется ключевое слово – *Жанна* (причем в 1, 2, 5, 10 оно воспроизводится с точностью до буквы, а в 9 и 14 анаграммируется его фонемный состав); в 12 – в виде

настоящее время я решил, что Набоков, мнимым задним числом, не хотел бы, чтобы я стал его Человеком из Порлока или позволил, чтобы маленькая Жуанита Дарк – ибо так вначале звалась Лолита, предназначенная к сожжению, – сгорела как новая Жанна д'Арк» (Набоков 2010: 30–31). Здесь, как и в «Себастьяне Найте», Жанна эмблематизирует сожжение рукописи – «тема книгосожжения преследовала нас» (Набоков 2010: 25). Примечательно, что заглавная героиня последнего романа Набокова носит имя *Laura* (ср. *Лорен*).

палиндрома появляется вторая часть ее обычного именованья: *д'Арк* в *оКРА*шивая *Дни*. Таким образом, в каждой из четырех строф присутствует анаграмма словотемы текста – имени героини: один раз во второй и четвертой, дважды в первой и трижды в третьей строфе. Текст начинается анафорой (*жгли...*, *жгли...*, *жгли*), при этом первый же звук, троекратно повторенный, также является первым и в имени *Жанна*.

4. Далее, в тексте упоминается Руан, конечный пункт истории Жанны *д'Арк*, но отсутствует исходный (и зарифмованный с ним) – Орлеан. Его можно отыскать все в том же *Лорен*, которое (закроем глаза на консервативную французскую орфографию и воспользуемся удобным для нас русским написанием) является его неполной анаграммой:

ЛОРЕН ~ ОРЛЕАН

5. Наконец, паронимом (в смысле В. П. Григорьева) заглавного *Lorraine* будет *La Reine*, *королева*, что может намекать на легендарное королевское происхождение Жанны.

6. Франкоязычное заглавие, французская топонимика (Руан и подразумеваемый Орлеан) и тематика позволяют предполагать значимость русско-французских звуко-смысловых соответствий для данного текста¹¹. У франкофонии в набоковской поэтике особый статус¹².

В работах о Мандельштаме говорилось о необходимости поиска контекстов, где язык выступает как подтекст (в смысле К. Ф. Тарановского):

- «*Фета* [нем. *fett*] *жирный* карандаш» (пример Г. А. Левинтона; см.: Левинтон 1979: 31);

¹¹ При этом в стихотворении есть и привычные звуковые повторы: **В** Бархат ~ **ВВ**иты, **гвоЗ**Ди ~ **звеЗ**Д, **РеЗь**Ба ~ **ЗаБ**Рало, **Бе**Лая ~ **сЛа**Бая, **П**Лощадь ~ **Па**Лач и др.

¹² Среди прочего, ряд набоковских протагонистов – франкофоны, предающиеся (значимым в мотивной структуре соответствующих текстов) языковым играм с использованием французского.

- «Есть *блуд* [нем. *Blut*] труда и он у нас в *крови*» (пример Р. Д. Тименчика; приводится в работе: Левинтон 1979: 30–33);
- «Мы смерти ждем, как сказочного волка, / Но я боюсь, что *раньше* [фр. *tôt*] всех *умрет* [нем. *Tod / tot*] / *Тот*, у кого тревожно-красный *рот* [нем. *rot*] / И на глаза спадающая челка» (пример Г. Г. Амелина и В. Я. Мордерер; см.: Амелин, Мордерер 2001: 28).

Двуязычные анаграммы у Набокова также не редкость (см., например: Люксембург, Рахимкулова 1996: 147–158):

- *Keegan* ~ *книга* в “The Real Life of Sebastian Knight” (см.: Долинин 2000: 102);
- *Mali ètrano t’amesti* ~ *Смерть мила; это тайна* в «Приглашении на казнь» / “Invitation to a Beheading” (см.: Barabtarlo 1993: 194; ср.: Барабтарло 2011: 32)¹³.

(Ряд паронимазий также обсуждался в работах: Ронен 1989: 289–291, Левинтон 2007: 60–69.)

Далее, в стихе два внешне не связанных и будто бы случайно соположенных элемента могут быть соотнесены через отсутствующий третий член. Б. А. Успенский и Оге Ханзен-Леве предположили, что в контексте «Для женщин воск – что для мужчины медь» из “Tristia” Мандельштама слова *воск* и *медь* связаны через мед, соотнесенный с медью паронимически, по звучанию, а с воском метонимической близостью (см. работы: Успенский 1994: 246–272; Hansen-Löve 1993: 121–157); Ф. Н. Двинятин добавил к этому пару *скорби груз* из того же стихотворения, где, с одной стороны, *скорбь* по звуку, а *груз* по смыслу связаны со словом *скарб*, а с другой – с *груз* по звуку, а со *скорбь* по смыслу связано слово *грусть* (см.: Двинятин 2002: 291–292), а также ряд ахматовских (см.: Двинятин 2007: 37–38) и набоковских контекстов.

¹³ А. А. Долинин справедливо критикует Г. А. Барабтарло за исключение возможной множественности дешифровок: «Важна лишь возможность получения таинственного, зашифрованного сообщения из другого мира – и более ничего» (Долинин 2000: 104).

7. Рассмотрим устройство нескольких контекстов из стихотворения Набокова:

- a) В первом четверостишии со словом *копье* из строки 4 парономастически связано *сорине* (*подруга* из строки 1). Таким образом, *ее* и *подруга* связаны анафорически (в смысле отсылки к левому контексту), *ее* и *копье* рифменно, а *подруга* и *копье* – сильной рифменной позицией и парономастически – через французское *сорине*.
- b) *Плассе* (*площадь* в строке 2), возможно, перекликается с *палач* в строке 3 посредством паронимической аттракции, а также по смыслу: палач – участник средневековой казни на площади.
- c) Место казни – *Руан* в строке 2 – является полной анаграммой прилагательного *noire* (*черную* в строке 3). Запись по-русски дает почти палиндром¹⁴:

РУАН ~ НУАР

- d) Помимо анаграмматической, есть и очевидная смысловая связь: день казни в Руане был для Жанны («белой и слабой»), конечно же, *черным* днем.
- e) Предположительно могут быть связаны созвучные по первому элементу [sã] *святая* и *прост* в строках 5 и 6: *sainte* и *simple*. Напрашивающаяся историческая параллель позволяет предположить здесь проverbsиальное *sancta simplicitas* Яна Гуса – «святая простота». Видное уже при вертикальном чтении, сочетание дополнительно актуализируется через МЗС. Общий XV век (между двумя сожжениями прошло 16 лет) как будто только способствует такого рода сближению¹⁵.

Таким образом, в рассмотренных выше контекстах, как представляется, можно обнаружить влияющие на семантику текста МЗС. В

¹⁴ *Rouen ~ Noire*. Во французском Rouen звука [n] нет, а есть только носовой [ã]: [ʁvã].

¹⁵ Г. А. Левинтон, ознакомившийся с работой на этапе редактуры, предположил, что в 3 строфе КАПЛЕТ и ЛЕТАЛи – перекликающиеся с ПАлачом – можно прочесть как анаграмму слова ЛЕПТА (ср. тютчевское «Вязанку дров как лепту на костер»). Автор выражает благодарность за это ценное наблюдение, а также ряд замечаний, которые старался учесть.

настоящих заметках обсуждались явления *от звука к смыслу*. Этот путь, опосредованный третьим элементом (французский язык), может показаться окольным, но в действительности в ряде случаев оказывался наиболее прямым – анаграмматическим.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. 2001. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М.; СПб.: Языки славянской культуры.
- Бойд Б. 2010а. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум.
- Бойд Б. 2010б. Владимир Набоков: Американские годы. Биография. СПб.: Симпозиум.
- Барабтарло Г. А. 2011. Тайна смерти. – Барабтарло Г. А. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. С. 19–40.
- Грек А. Г. 2010. Об анаграмматическом принципе в поэзии Вячеслава Иванова. – Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома. С. 17–34.
- Двинятин Ф. Н. 2002. Пять пейзажей с набоковской сиренью. – В. В. Набоков: Pro et Contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. Т. 2. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института. С. 291–314.
- Двинятин Ф. Н. 2007. Из заметок по поэтике Ахматовой. – «На меже меж голосом и эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство. С. 31–43.
- Двинятин Ф. Н. 2011. Еще о межъязыковых звуко-смысловых соответствиях в поэзии Бродского. – Новое литературное обозрение. № 6 (112). С. 288–299.
- Джонсон Д. Б. 2011. Набоков-анаграммист. – Джонсон Д. Б. Миры и антимирь Владимира Набокова. СПб.: Симпозиум. С. 69–112, 302–308.
- Долинин А. А. 1991. Комментарии. – Набоков В. Романы: Перевод с английского. М.: Художественная литература. С. 401–430.
- Долинин А. А. 2000. О некоторых анаграммах в творчестве Владимира Набокова. – Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн – Тарту, 14–17 января 1999). Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 99–107.

- Долинин А. А. 2014. Комментарии. – Набоков В. Просвечивающие предметы. СПб.: Азбука. С. 345–379.
- Иванов Вяч. Вс. 1977. Комментарий [к разделу «Анаграммы»]. – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с французского под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс. С. 646–647.
- Кац Б. А. 2001. “Ехегі monumentum” Владимира Набокова: К прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...». – Старое литературное обозрение. № 1 (277) С. 76–80.
- Левинтон Г. А. 1979. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния. – Вторичные моделирующие системы. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 30–33.
- Левинтон Г. А. 1999. Набоковская конференция в Таллинне. – Звезда. №4: Владимир Набоков. К 100-летию со дня рождения. С. 229–234.
- Левинтон Г. А. 2007. Заметки о паронимии. I: Паронимии и подтексты у Набокова. – «На меже меж голосом и эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство. С. 60–69.
- Люксембург А. Ф., Рахимкулова Г. Ф. 1996. Магистр игры Вивиан Ван Бок (Игра слов Владимира Набокова в свете теории каламбура). Ростов-на-Дону: Издательство Института массовых коммуникаций.
- Маликова М. Э. 2002. Забытый поэт. – Набоков В. В. Стихотворения / Вступительная ст., подготовка текста и примечания М. Э. Маликовой. СПб.: Академический проект. С. 5–52.
- Набоков В. 1999. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. I. СПб.: Симпозиум.
- Набоков Д. 2010. Предисловие. – Набоков В. Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика». С. 11–34.
- Ронен О. 1989. Два полюса паронимии. – Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / Ed. by Barry P. Sherr and Dean S. Worth. Columbus: Slavica Publishers, Inc. P. 289–291.
- Ронен О. 1998. Анаграмматизация имени громовника у Тютчева и ее передача в английском переводе. – ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик. С. 763–769.
- Ронен О. 2001. Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Владимира Набокова. – Philologica. Vol. 7. № 17/18. С. 247–260.
- Ронен О. 2002. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион.

- Соссюр Ф. де 1977. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах. – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с французского под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс. С. 639–646.
- Топоров В. Н. 1965. К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах. – Труды по знаковым системам. [Вып.] II. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 306–319.
- Топоров В. Н. 1987. К исследованию анаграмматических структур (анализы). – Исследования по структуре текста / Отв. ред. кандидат филологических наук Т. В. Цивьян. М.: Наука. С. 193–238.
- Топоров В. Н. 2004. К исследованию анаграмматических структур (анализы). – Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры. С. 708–755.
- Успенский Б. А. 1994. Анатомия метафоры у Мандельштама. – Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М.: Гнозис. С. 246–272.
- Barabtarlo, G. 1993. *Aerial View: Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York; San Francisco; Bern; Baltimore; Frankfurt am Main; Berlin; Wien; Paris: Peter Lang.
- Boyd, B. 1990. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press.
- Boyd, B. 1991. *Vladimir Nabokov: The American Years*. Princeton: Princeton University Press.
- Johnson, D. B. 1985. *Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor: Ardis.
- Hansen-Löve, A. A. 1993. Mandel'shtam's Thanatopoetics. – *Readings in Russian Modernism: To Honor Vladimir Fedorovich Markov* / Ed. by Ronald Vroon, John E. Malmstad. М.: “Наука”; Издательская фирма “Восточная литература”. С. 121–157.